

СРОКИ ИМЕЮТ ЗНАЧЕНИЕ*

Кирилл РОГОВ

сотрудник Института экономики
переходного периода

Мария СНЕГОВАЯ

аспирант факультета экономики
ГУ—ВШЭ

Оіковоща • Політика

ОΙΚΟΝΟΜΙΑ • ΠΟΛΙΤΙΚΑ

1. «Кейс» российского президентства

30 декабря 2008 года Президентом России были подписаны первые поправки в Конституцию страны, принятую в 1993 году. Процедура одобрения поправок протекала в условиях необъяснимой спешки. Инициатива по внесению изменений в конституцию была выдвинута Д.А. Медведевым 5 ноября 2008 года, соответствующий законопроект был внесен в Думу 11 ноября, а уже 14 ноября он был принят в первом чтении. 26 ноября законопроект был одобрен Советом Федерации, а затем до 21 декабря (то есть всего за 17 рабочих дней!) — всеми 83 законодательными собраниями субъектов Федерации. 22 декабря результаты этого рассмотрения были утверждены верхней палатой российского парламента. При этом был фактически нарушен пункт 2 статьи 11 федерального закона о порядке внесения изменений в Конституцию, который подразумевает годовичную процедуру рассмотрения поправок¹.

* Авторы искренне благодарят М.А. Бонч-Осмоловского, А.С. Бремзена, Н.М. Лебедеву, В.А. Мау, К.И. Сониная, А.Н. Татарко, С.Г. Шульгина за полезные советы и критические замечания в ходе работы над данным материалом.

¹ Ср.: «Совет Федерации на своем очередном заседании, следующем за днем истечения срока рассмотрения законодательными (представительными) органами субъектов Российской Федерации закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации, устанавливает результаты этого рассмотрения». В свою очередь, «срок рассмотрения» установлен статьей 9 того же закона: «Законодательный (представительный) орган субъекта Российской Федерации в порядке, устанавливаемом данным органом самостоятельно, обязан рассмотреть закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации в срок не позднее одного года со дня его принятия».

В итоге столь существенный вопрос, как изменение сроков полномочий высших органов государственной власти, был решен менее чем за 50 дней, что, в частности, сделало практически невозможным широкое обсуждение новых норм как в контексте общей конституционной модели, так и по существу их содержания.

Наиболее важной для конституционной конструкции российской власти, безусловно, выглядит поправка об увеличении срока полномочий президента с четырех до шести лет. Именно эта норма будет предметом рассмотрения в настоящей статье. Как известно, в 2008 году прошли выборы третьего президента Российской Федерации за 17 лет существования этого поста. Предыдущие два президента находились в должности соответственно 8,5 и 8 лет. Борис Ельцин был избран Президентом Российской Федерации в составе СССР в 1991 году сроком на 5 лет, в 1996 году он был переизбран на четырехлетний срок в соответствии с новой конституцией, а за полгода до окончания срока объявил о своей отставке. Владимир Путин дважды избирался на четырехлетний срок.

Таким образом, никакого исторического опыта, позволяющего оценить эффективность именно четырехлетнего правления, в России на сегодня нет. Поэтому и аргументы в пользу удлинения срока носили преимущественно умозрительный, гипотетический характер². Ограниченность аргументов компенсировалась в ходе минимальных дискуссий ссылками на международный опыт — наличие большого числа стран, где срок полномочий президента составляет от пяти до семи лет. На этот аргумент стоит обратить более пристальное внимание.

Прежде всего необходимо отметить, что мировая практика знает два основных типа института «президентства». В парламентских республиках президент обычно является главой государства, не будучи главой исполнительной власти. Его исполнительные полномочия ограничены и призваны символизировать непрерывность государственности при смене кабинетов парламентского большинства. Именно поэтому сроки полномочий таких президентов обычно превышают сроки полномочий законодателя. Принципиально иное содержание институт президентства имеет в странах, форма правления которых определяется как президентская или полупрезидентская (в зависимости от того, принимает ли парламент значимое участие в формировании кабинета министров). Здесь президент (обычно — избираемый всенародно) объединяет пост главы государства и главы исполнительной власти или как минимум имеет важные исполнительные полномочия. С точки зрения конституционного дизайна современная Россия имеет полупрезидентскую форму правления (хотя ее фактическое «наполнение» может существенно различаться в разных политических условиях), поэтому сравнивать длительность президентских сроков в России корректно лишь с длительностью полномочий президентов в государствах с президентской и полупрезидентской формами правления.

Таким образом, в соответствии с этой нормой Совет Федерации сможет «установить результаты» рассмотрения поправок региональными законодательными собраниями лишь после 27 ноября 2009 года.

² В обосновании к предложенному Думе законопроекту было сказано: «Увеличение срока полномочий позволит Президенту Российской Федерации и Государственной Думе не только определить направления дальнейшего развития страны и начать осуществление намеченных целей, но и во многом реализовать задуманное в течение одного срока полномочий. Тем самым повышается ответственность главы государства и парламента перед гражданами и обществом в целом за результаты своей деятельности».

2. Основная гипотеза: тест на институты

Итак: имеют ли значение сроки президентства? Этот общий вопрос фактически распадается на два: (1) для каких стран характерны более длинные, а для каких — более короткие сроки полномочий президента; (2) какое влияние может иметь установление того или иного срока президентских полномочий на характер развития страны. Здесь прежде всего следует иметь в виду, что, как было подчеркнуто в возникшей недавно по этому поводу дискуссии, конституционные нормы не только способны оказывать влияние на характер развития и экономическую политику, но и сами являются результатом определенного выбора, отразившего баланс сил и интересов; другими словами, они не только являются *фактором влияния*, но и *результатом влияния* тех или иных факторов³. Проблема, таким образом, имеет двусторонний характер. Именно поэтому прежде всего кажется важным ответить на первый вопрос (для каких стран характерны более длинные, а для каких более короткие сроки), а затем уже подойти к рассмотрению второго.

Чтобы ответить на вопрос, существуют ли значимые различия в характеристиках развития стран с разной длиной президентских сроков, или точнее: существует ли связь между длительностью президентских сроков, характеристиками формы правления и качеством институциональной среды, мы разделили выборку из 171 страны на четыре группы:

1) государства с парламентской формой правления (в дальнейшем — парламентские государства);

2) государства с президентской и полупрезидентской формами правления (в дальнейшем — президентские государства) и четырехлетним сроком полномочий;

3) президентские государства с пятилетним сроком полномочий;

4) президентские государства с шести- и семилетним сроком полномочий.

Несмотря на то что предметом нашего рассмотрения являются президентские и полупрезидентские режимы с разными сроками полномочий, включение в выборку парламентских государств представляется нам важным, поскольку позволяет рассмотреть вопрос о возможной корреляции уровня развития институтов и характеристик формы правления в более широком контексте.

Полученные четыре совокупности стран были проанализированы на предмет качества институтов, выраженного в двух группах общепризнанных индексов. Первая группа индексов характеризует качество политических институтов: *электоральный статус* (*Electoral Democracies, 2008, Freedom House*)⁴, *политический статус* (*Combined Average Ratings, 2008, Freedom House*)⁵, *индекс свободы прессы* (*2008 Freedom of the Press World Ranking, Freedom House*)⁶, а также *индекс демократичности* (*Index of Democracy 2008, Economist Intelligence Unit*)⁷. Вторая группа индексов отражает качество деловой и экономической среды и включает: (а) *индекс эффективности правительства* (*Government*

³ О влиянии конституционных норм на параметры развития и экономическую политику см.: *Persson T., Tabellini G. The Economic Effects Of Constitutions: What Do the Data Say? Cambridge: MIT Press, 2003*; критику их подхода см.: *Acemoglu D. Constitutions, Politics, and Economics: A Review Essay On Persson and Tabellini's The Economic Effects Of Constitutions // Journal of Economic Literature. 2005. Vol. 43. No 4. P. 1025—1048. www.nber.org/papers/w11235.pdf.*

⁴ www.freedomhouse.org/template.cfm?page=411&year=2008.

⁵ www.freedomhouse.org/template.cfm?page=410&year=2008.

⁶ www.freedomhouse.org/template.cfm?page=442&year=2008.

⁷ graphics.eiu.com/pdf/democracy%20Index%202008.pdf.

Effectiveness, Worldwide Governance Indicators, World Bank)⁸; (б) *индекс верховенства закона (Rule of Law, Worldwide Governance Indicators, World Bank)*⁹; (в) *индекс восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index, Transparency International)*¹⁰; (г) *индекс уровня экономической свободы (Economic Freedom World Rankings, Heritage Foundation)*¹¹.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что *однозначной* зависимости между качеством институтов и формой правления, а также сроком президентских полномочий не прослеживается: в группе стран с парламентской системой соседствуют Австралия и Бангладеш, Исландия и Ирак, среди президентских государств с четырехлетним сроком — США и Нигерия, а среди шести-семилетних президентских республик обнаруживаем Финляндию и Конго, то есть страны, находящиеся на разных полюсах шкалы оценок по большинству институциональных индексов. Вместе с тем, если измерить «среднюю температуру по палате», то есть средние характеристики развития институтов для каждой из четырех групп, мы увидим вполне определенную и выразительную картину (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Средние значения индексов для групп стран с различной формой правления и длительностью сроков полномочий (среднее/медиана)

Форма правления	Количество стран	Электоральный статус: электоральные демократии (%)	Политический статус (оптим.=1, мин.=7)	Свобода прессы (оптим.=9, мин.=100)	Индекс демократичности ЕГУ (оптим.=10, мин.=0)	Верховенство закона (макс.=100)	Эффективность правительства (макс.=100)	Индекс восприятия коррупции (оптим.=9,3, мин.=0)	Экономическая свобода (оптим.=90, мин.=2)
Парламентская	77	86	2,18/ 1,50	31,38/ 23,50	7,19/ 7,36	65,05/ 68,60	66,06/ 71,10	5,27/ 5,00	65,49/ 64,90
Президентская с 4-летним сроком	19	84	2,34/ 2,00	39,21/ 41,00	5,99/ 6,18	45,61/ 39,50	40,34/ 36,50	3,62/ 3,10	57,54/ 56,70
Президентская с 5-летним сроком	53	51	3,68/ 3,50	54,28/ 55,00	4,92/ 5,08	33,22/ 31,40	35,40/ 24,60	3,07/ 2,80	55,83/ 55,75
Президентская с 6—7-летним сроком	19	21	4,82/ 5,50	66,79/ 69,00	4,11/ 3,46	26,52/ 18,10	29,81/ 24,60	2,75/ 2,30	54,38/ 54,20

Для проверки результатов была также рассмотрена скорректированная выборка, полученная путем исключения из списка «малых государств» (к таковым мы отнесли страны с населением менее 500 тыс., образовавшиеся в результате распада колониальных держав во второй половине XX века) по этим основаниям была исключена 21 страна; полученные результаты не имеют значимых отличий от тех, что представлены в табл. 1.

Что показывает нам эта «средняя температура»? Она показывает, что среди парламентских государств гораздо чаще встречаются страны, являющиеся электоральными демократиями с высоким уровнем экономических и политических свобод, в которых обеспечены главенство закона и эффективность правительства, а коррупция находится под контролем. Заметные

⁸ info.worldbank.org/governance/wgi/mc_countries.asp.

⁹ Ibid.

¹⁰ www.transparency.org/news_room/in_focus/2008/cpi2008/cpi_2008_table.

¹¹ www.heritage.org/Index/Ranking.aspx.

«усредненные» преимущества парламентских режимов прослеживаются по всем индексам. Также по всем средним значениям индексов и медианам выдерживается преимущество четырехлетних режимов перед пятилетними, а последних — перед шести-семилетними. То есть среди стран с четырехлетним президентским сроком доля стран с развитыми институтами больше, чем среди стран с пятилетним сроком. И наконец, наибольшая доля стран с крайне неразвитыми институтами — в группе стран с президентской формой правления и сроком полномочий 6—7 лет. Так, из 77 парламентских государств (полная выборка) всего 5 характеризуются как несвободные¹², а 54 — как свободные. А вот среди 72 стран с президентской формой правления и сроком полномочий президента от 5 до 7 лет мы встречаем 21 несвободную страну и только 20 — свободных. Индекс верховенства закона превышает значение 60 пунктов в 46 из 77 парламентских государств и только в 7 из 72 президентских со сроком полномочий от 5 до 7 лет. Индекс экономической свободы выше 60 пунктов наблюдаем в 51 стране из группы парламентских, а в группе пяти-семилетних президентских — лишь в 19.

Возникает вопрос, насколько значимым для этой картины является то обстоятельство, что в группе наиболее развитых стран, по преимуществу — устойчивых демократий с давней историей, преобладают страны с парламентским режимом. Чтобы проверить, наблюдается ли обнаруженная закономерность в рамках панели развивающихся стран, мы исключили из сокращенной выборки (без «малых» государств) также страны — члены ОЭСР (табл. 2).

Таблица 2

Средние значения индексов для групп стран с различной формой правления и длительностью сроков полномочий, не являющихся членами ОЭСР

Форма правления	Количество стран	Электоральная демократия (%)	Политический статус	Свобода прессы	Индекс демократичности	Эффективность правительства	Верховенство закона	Индекс восприятия коррупции	Экономическая свобода
Парламентская	40	73	3,1	42,3	6,3	54,2	50,4	4,0	61,8
Президентская с 4-летним сроком	14	79	2,8	46,4	5,8	39,1	35,2	3,4	57,1
Президентская с 5-летним сроком	46	48	3,9	57,0	4,7	31,5	28,8	2,9	55,6
Президентская с 6—7-летним сроком	16	13	5,2	71,0	3,7	24,7	20,8	2,3	52,6

Как видим, несмотря на то что группа парламентских государств сократилась на 24 страны, а остальные — лишь на одну-две, в основном соотношения остались прежними. При этом значения средних индексов парламентских государств ухудшились сильнее, чем четырехлетних президентских; индекс политического статуса (FH) последних оказался даже несколько выше, чем у парламентских; впрочем, разница эта выглядит несущественной в сравнении с различием между четырехлетними и пяти-семилетними президентскими режимами. В ряду же индексов, характери-

¹² Несвободными по методологии Freedom House считаются страны, комбинированный рейтинг индексов политических прав и гражданских свобод которых ниже значения 5,5, частично свободные — имеющие индекс от 3 до 5,5, а свободные — от 1 до 2,5.

зующих деловую и экономическую среду, преимущество парламентских режимов остается весьма впечатляющим. При этом вполне существенно ухудшились средние значения индексов в группе президентских государств с шести-семилетними сроками. Этого, впрочем, следовало ожидать: в данных по полной выборке для этой группы (см. табл. 1) наблюдается значительное отклонение медианы в худшую сторону по сравнению со средним значением, что свидетельствует о наличии выброса — стран со значительно лучшими показателями, чем у всех прочих по группе (подробнее об этом речь пойдет ниже).

Возвращаясь к полной выборке, мы можем констатировать, что различие средних значений индексов государств с большими сроками (6—7 лет) и малым сроком (4 года) по большинству индексов сопоставимо с различиями средних для парламентских и президентских государств (табл. 3). Лишь для индексов эффективности правительства и восприятия коррупции разница между средними значениями президентских государств с разными сроками выглядит менее значительной.

Таблица 3

**Коэффициент различий средних значений индексов стран
с различной формой правления и длительностью сроков президентских полномочий**

Форма правления	Количество стран	Политический статус (оптим.=1, мин.=7)	Свобода прессы (оптим.=9, мин.=100)	Индекс демократичности ЕІU (оптим.=10, мин.=0)	Верховенство закона (макс.=100)	Эффективность правительства (макс.=100)	Индекс восприятия коррупции (оптим.=9,3, мин.=0)	Экономическая свобода (оптим.=90, мин.=2)
Парламентская (ПА)	77	2,18	31,38	7,19	65,05	66,06	5,27	65,49
Президентская (ПР)	91	3,61	53,42	5,0	35,11	35,18	3,14	55,92
<i>Коэффициент (ПР/ПА)</i>		1,65	1,7	0,69	0,54	0,53	0,59	0,85
Президентская с 4-летним сроком (ПР4)	19	2,34	39,21	5,99	45,61	40,34	3,62	57,54
Президентская с 6—7-летним сроком (ПР6)	19	4,82	66,79	4,11	26,52	29,81	2,75	54,38
<i>Коэффициент (ПР6/ПР4)</i>		2,05	1,7	0,69	0,58	0,73	0,75	0,93

3. Значимость и качество различий средних индексов по формам правления и срокам полномочий

Как видно, в частности, из табл. 3, различия оказываются неравномерными для разных индексов и страновых групп. Так, для индексов, характеризующих правовую и экономическую среду (верховенство закона, эффективность правительства, восприятие коррупции, уровень экономической свободы), наиболее резкий «перепад температуры» наблюдается между парламентскими и президентскими государствами. Различия же в средних значениях этих индексов для президентских режимов с разным сроком полномочий выглядят не столь значительными. При этом средний уровень развития политических институтов в парламентских странах и странах с четырехлетним сроком полномочий не слишком различается (что демонстрируют и данные табл. 2, с исключением данных по странам ОЭСР), а резкое ухудшение по этим индексам наблюдается именно в группе стран с пяти-семилетними президентскими сроками (см. рис. 1—2).

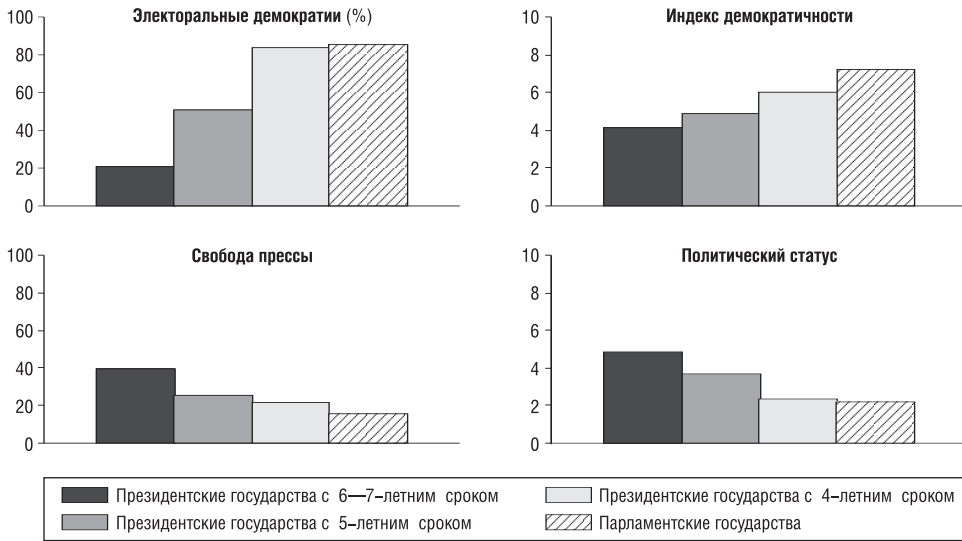

Рис. 1. Средние показатели качества политических институтов по группам стран

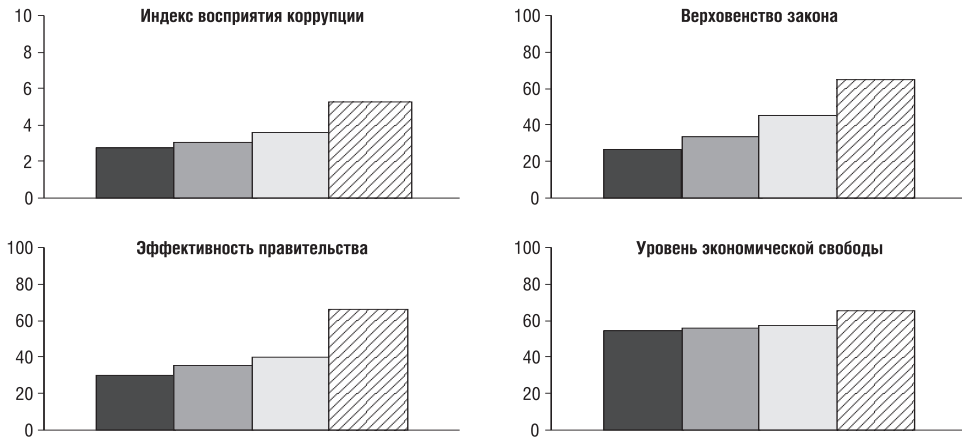

Рис. 2. Средние показатели качества институтов, характеризующих правовую и экономическую среду по группам стран

Схожие заключения можно сделать по итогам сравнительного статистического анализа. Для установления значимости различий был проведен анализ для каждой из пар выборов сроков полномочий. Для таких выборок, большая часть которых имеет распределение, отличное от нормального (тесты Колмогорова—Смирнова и Шапиро—Уилка), целесообразным представляется использование непараметрического теста Колмогорова—Смирнова для двух независимых выборок¹³. При сравнении парламентских государств и президентских с четырехлетним сроком значимыми на пятипроцентном

¹³ В использованной модификации тест Колмогорова—Смирнова (К-С) отвечает на вопрос о различии в средних выборочных значениях между выборками, а не только на вопрос о различии распределений. Мы использовали тест К-С, поскольку альтернативный тест Манна—Уитни применяется, как правило, в тех случаях, когда число наблюдений меньше 20 (в нашем случае выборки, как правило, большего размера).

интервале оказались различия выборок по «экономическим» индексам и индексу демократичности EIU (табл. 4). При сравнении четырехлетних президентских республик с пятилетними и последних с шести-семилетними значимыми оказались различия по политическим индексам. И наконец, при сравнении президентских четырехлетних с шести-семилетними значимыми оказались различия по всем индексам, за исключением индексов эффективности правительства и экономической свободы¹⁴.

Т а б л и ц а 4

**Непараметрический тест Колмогорова—Смирнова
для двух независимых выборок (длина сроков)**

Показатели	Форма правления			
	М (парл.) — М (4 пр.)	М (4 пр.) — М (5 пр.)	М (5 пр.) — М (6—7 пр.)	М (4 пр.) — М (6—7 пр.)
<i>Экономические индексы</i>				
Верховенство закона	65,02*	45,61	33,22	26,52*
Эффективность правительства	66,06*	40,34	35,40	29,81
Уровень экономической свободы	65,49*	57,54	55,83	54,38
Индекс восприятия коррупции	5,27*	3,62	3,07	2,75*
<i>Политические индексы</i>				
Индекс демократичности EIU	7,19*	5,99	4,92	4,11*
Политический статус	2,18	2,34*	3,68*	4,82*
Свобода прессы	31,38	39,21*	54,28*	66,79*

* $\alpha < 0,05$.

Для более детального анализа мы также сравнили распределение стран с различными формами правления и сроками полномочий по «качественным кластерам» соответствующих институциональных индексов (табл. 5а,б).

Как видим, среди парламентских государств доля стран с неразвитыми политическими институтами составляет около 12—15%, а с развитыми — 45—60%, в то время как среди президентских государств с 4—5-летними сроками стран с неразвитыми политическими институтами в 2—3 раза больше (25—45% по разным индексам), а с развитыми — разительно меньше (13—18%). В группе индексов, характеризующих правовую и экономическую среду, прослеживается та же закономерность: среди «президентских государств» почти не встречается стран с наивысшими показателями развития институтов — их доля по разным индексам варьируется в диапазоне 0—8%, в то время как среди парламентских государств такие показатели имеет около трети стран (23—45% по разным индексам). И наоборот: если среди парламентских государств доля стран с наихудшими показателями развития институтов составляет около 10% (8—12% по разным индексам), то среди «президентских» таких около трети (25—40% по разным индексам). Таким образом, общий вывод можно дополнить замечанием о значительной степени несовместимости парламентского режима с неразвитыми институтами, с одной стороны, и президентского режима с высокоразвитыми институтами, с другой.

Аналогичная процедура сравнения по «качественным кластерам» была проделана для стран с минимальным (четырёхлетним) и максимальными (шести-семилетними) сроками полномочий президента (табл. 6а,б).

¹⁴ Для нормально-распределенных (по тестам Колмогорова—Смирнова и Шапиро—Уилка) выборок был проведен t-тест, давший результаты, в большинстве случаев совпадающие с результатами теста К-С на значимость различий.

Т а б л и ц а 5

Распределение по уровням качества институтов стран с парламентской формой правления и с четырех-пятилетними президентскими сроками (скорректированная выборка)

а) Политические индексы

Форма правления	Количество стран	Политический статус			Индекс свободы прессы			Индекс демократичности		
		<2	>2<5	≥5	≤30	>30≤60	>60	≥7,5	<7,5≥5	<5
Парламентская	64	33	24	7	37	17	9*	27	26	8**
Президентская	63	9	40	14	10	33	20	7	29	27

б) Индексы, характеризующие правовую и экономическую среду

Форма правления	Верховенство закона				Эффективность правительства			
	>75	75—51	50—25	<25	>75	75—51	51—25	<25
Парламентская	24	20	14	6	28	18	13	5
Президентская	4	6	27	26	5	13	21	24
	Восприятие коррупции				Экономическая свобода			
	>7,5	7,5—5,1	5,0—2,5	<2,5	>70	69—60	60—50	<50
Парламентская	15	14	28	4**	21	22	14	3***
Президентская	0	7	37	19	3	17	29	14****

* Отсутствуют данные по Косово.

** Отсутствуют данные по Лихтенштейну, Косово и Сан-Марино.

*** Отсутствуют данные по Лихтенштейну, Сан-Марино, Косово и Ираку.

**** Отсутствуют данные по Афганистану.

Т а б л и ц а 6

Сравнительное распределение количества стран по уровням качества институтов из 19 стран с четырехлетним президентским сроком и 19 стран с шести-семилетним президентским сроком (расширенная выборка)

а) Политические индексы (количество стран)

Президентский срок	Политический статус			Индекс свободы прессы			Индекс демократичности		
	<2	>2<5	≥5	≤30	>30≤60	>60	≥7,5	<7,5≥5	<5
4-летний	8	10	1	8	10	1	3	9	3*
6—7-летний	1	5	13	1	4	14	1	5	13

б) Индексы, характеризующие правовую и экономическую среду (количество стран)

Президентский срок	Верховенство закона				Эффективность правительства			
	>75	75—51	50—25	<25	>75	75—51	51—25	<25
4-летний	4	4	5	6	2	5	6	6
6—7-летний	1	2	5	11	1	2	6	10
	Восприятие коррупции				Экономическая свобода			
	>7,5	7,5—5,1	5,0—2,6	<2,6	>70	69—60	60—50	<50
4-летний	0	3	9	3*	2	2	10	3**
6—7-летний	1	0	6	12	1	2	13	3

* Отсутствуют данные по Палау, Микронезии, Маршалловым островам и Кирибати.

** Отсутствуют данные по Палау и Маршалловым островам.

Как видим, различия имеют не менее яркий характер, нежели при сравнении парламентских и президентских режимов. Так, среди стран с четырехлетним сроком президентских полномочий обнаруживаем лишь одну страну, которая характеризуется как несвободная, где подавляются гражданские

свободы и свобода прессы (это Иран¹⁵). В то же время около 50% представителей данной группы — это страны с относительно развитыми политическими институтами. Среди стран с длинными президентскими сроками только четыре характеризуются как электоральные демократии (Финляндия, Мексика, Шри-Ланка и Либерия), развитые политические институты наблюдаются лишь в одной стране — в Финляндии, а доля стран с неразвитыми политическими институтами составляет более двух третей.

В группе индексов, характеризующих правовую и экономическую среду, общее преимущество президентских режимов с короткими сроками сохраняется, но выглядит более сглаженным, в особенности при оценке уровня экономической свободы. Наиболее чувствительным к переменной срока оказывается показатель уровня коррупции: среди государств с большими сроками тяжелое положение в этой сфере наблюдается в двух третях стран (12 стран из 19 имеют индекс ниже 2,5 пункта). В целом можно сказать, что плохие экономические и правовые институты имеют от половины до двух третьих стран с большими сроками и около трети стран с четырехлетним сроком.

Констатация преимуществ парламентских режимов перед президентскими выглядит вполне традиционной в контексте многочисленных компаративистских исследований, искавших ответы на вопросы, сформулированные в классических работах Х. Линца¹⁶. При этом если на первом этапе внимание было сфокусировано на проблеме сравнительной устойчивости парламентских и президентских режимов и их благоприятствования демократии¹⁷, то позднее все больше внимания уделялось именно институциональным последствиям выбора той или иной формы правления¹⁸. Для нас важно не то, что наши наблюдения подтверждают тезис о преимуществе парламентских режимов, но то, что различия между президентскими режимами с короткими и длительными сроками полномочий выглядят не менее значимыми и выраженными (хотя и имеют несколько иной профиль), нежели различия президентских и парламентских режимов. Этот факт требует интерпретации.

4. Проблема президентских полномочий

Прежде всего отметим, что при анализе данных мы разделили парламентские и президентские режимы, но в то же время пренебрегли делением последних на собственно президентские и так называемые полупрезидентские, сосредоточившись вместо этого на проблеме сроков. Безусловно, вопрос об объеме президентских полномочий важен как в теоретической, так и в практической плоскости.

¹⁵ Политическая система Ирана имеет существенные особенности: высшим лицом в Исламской республике является Верховный руководитель, который от лица Высшего совета контролирует решения президента; вместе с тем мы исходили из того, что только президент избирается на прямых выборах, хотя и из кандидатур, одобренных Высшим советом; иными словами в Иране действует теократический президентский режим.

¹⁶ Linz J. The Perils of Presidentialism // Journal of Democracy. 1990. Vol. 1. No 1. P. 51—69; Linz J. The Virtues of Parliamentarism // Ibid. No 4. P. 84—91.

¹⁷ См., например: Mainwaring S. Presidentialism, Multipartyism, and Democracy: The Difficult Combination // Comparative Political Studies. 1993. Vol. 26. No 2. P. 198—228; Przeworski A., Alvarez M.E., Cheibub J.A., Limongi F. Democracy and Development; Political Institutions and Well-Being in the World, 1950—1990. N.Y.: Cambridge University Press, 2000; см. также подробный обзор истории изучения проблемы в: Elgie R. From Linz to Tsebelis: Three Waves of Presidential/Parliamentary Studies? // Democratization. 2005. Vol. 12. No 1. P. 106—122.

¹⁸ См., например, из последних работ: Norris P. Driving Democracy: Do Power-Sharing Institutions Work? N.Y.: Cambridge University Press, 2008; Gerring J., Thacker S.C., Moreno C. Are Parliamentary Systems Better? // Comparative Political Studies. 2009. Vol. 42. No 3. P. 327—359.

Понятие «полупрезидентский» режим было введено Морисом Дюверже и утвердилось в научной литературе в 1980—1990-е годы, однако оставалось предметом бурной полемики¹⁹. Действительно, среди полупрезидентских режимов можно обнаружить «парламентски ориентированные» и «президентски ориентированные» — в зависимости от степени реального влияния президента и парламента на процесс формирования кабинета и уровня контроля его деятельности. И если первоначально для различения парламентских и полупрезидентских режимов на первый план выдвигались конституционные нормы (прямые выборы президента, участие парламента в назначении главы кабинета и право вынесения вотума недоверия), то позднее этот подход был дополнен учетом реальной политической практики. Так, например, несмотря на то что с конституционной точки зрения должности президентов Австрии и Финляндии мало чем различаются, в компаративистике принято относить первую страну к парламентским, а вторую к полупрезидентским государствам²⁰.

По сути, сегодня вся группа президентских стран выглядит как некий континуум между полюсами почти чистого парламентаризма и президентской диктатуры, задаваемый, с одной стороны, критерием конституционных полномочий, а с другой — реальной политической практикой, отражающей традиционную влияние политических институтов (президента, партий и парламента). В научной литературе предпринимались попытки количественной оценки объема президентских полномочий²¹, однако устоявшейся методики для этого до сих пор не выработано. Более того, ситуацию осложняет тот факт, что резкий рост числа полупрезидентских режимов пришелся на 1990-е годы — второй всплеск «третьей волны демократизации», связанный с распадом «советского блока» и с крушением социалистической модели экономики (конец 1980-х — 1990-е годы); количество полупрезидентских режимов увеличилось в данный период более чем в полтора раза²². При этом реальный объем полномочий парламента и президента в таких «молодых» режимах на протяжении первых двух десятилетий их существования значительно менялся: декларированная конституцией модель деформировалась на фоне слабости традиционных демократических институтов (прежде всего партийной системы). Реальный объем президентских полномочий в некоторых из этих стран, по формальным признакам являющихся полупрезидентскими, зачастую оказывается большим, чем в странах с классической президентской системой, где влияние партий и независимого суда обеспечивает действенный контроль над президентской властью²³. Эти обстоятельства затрудняют углубленную проверку гипотезы о зависимости качества институтов от реального объема президентских полномочий.

Вместе с тем, сравнение групп стран, конституционное устройство которых позволяет относить их к полупрезидентским, с одной стороны, и к президентским, с другой, дает следующие результаты (табл. 7): средний уровень

¹⁹ Критический обзор этой полемики см., например в: *Elgie R. Semi-presidentialism: Concepts, Consequences and Contesting Explanations // Political Studies Review. 2004. Vol. 2. No 3. P. 314—330.*

²⁰ Обзор полемики о ситуации в Австрии см. в: *Müller W.C. Austria // Semi-presidentialism in Europe / R. Elgie (ed.). Oxford University press, 1999.*

²¹ См., например: *Shugart M.S., Carey J.M. Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. Cambridge, 1992.*

²² См.: *Norris P. Op. cit. Fig. 6.2;* а также: *Moestrup S. Semi-presidentialism in Young Democracies: Help or Hindrance // Semi-presidentialism Outside Europe / R. Elgie, S. Moestrup (eds.). Manchester, UK: Manchester University Press, 2008. Ch. 3.*

²³ Ср. аналогичную критику «конституционалистских» подходов: *Norris P. Op. cit. Ch. 6.*

Т а б л и ц а 7

Средние индексы стран с парламентской, президентской и полупрезидентской формами правления

Форма правления	Количество стран	Электоральная демократия (%)	Политический статус	Индекс демократии ЕЦУ	Эффективность правительства	Верховенство закона	Индекс восприятия коррупции	Индекс экономической свободы
Парламентская	64	83	2,3	7,19	66,9	63,2	5,3	65,9
Президентская	62	56	3,6	4,99	33,9	33,9	3,1	55,8
Полупрезидентская	30	40	3,9	4,62	37,3	34,5	3,1	56,0

развития институтов в президентских государствах оказывается чуть более высоким, чем в полупрезидентских, однако это различие выглядит несущественным в сравнении с теми, что наблюдаются при сопоставлении президентских (включая полупрезидентские) и парламентских режимов²⁴; следует также отметить, что средний срок президентских полномочий в полупрезидентских странах больше, нежели в президентских (5,35 лет против 5).

Таким образом, можно констатировать, что институциональные различия оказываются малозначительными при сравнении стран с конституционными признаками полупрезидентской и президентской моделей, однако это не позволяет сделать вывод относительно влияния такого фактора, как реальный объем президентских полномочий, на интересующие нас параметры. Более того, именно вопрос об объеме реальных полномочий представляется чрезвычайно значимым для объяснения некоторых девиаций при сравнении групп стран с различными сроками полномочий.

Так, например, в группе стран с большими (6—7 лет) сроками мы обнаруживаем одну страну, показатели которой резко отличаются от показателей других стран этой группы, — это Финляндия. Она не только имеет наивысшие показатели по всем рейтингам, но и значительно «отрывается» от показателей следующих за ней по уровню индексов стран (эффективность правительства: Финляндия — 96,7, Мексика — 60,2; верховенство закона: Финляндия — 96,7, Шри-Ланка — 55,7; восприятие коррупции: Финляндия — 9, Мексика — 3,6; индекс свободы прессы: Финляндия — 9, Филиппины — 45). При этом следует иметь в виду, что исполнительные полномочия президента Финляндии серьезно ограничены: формирование кабинета фактически находится в руках парламента, в ведении президента остается лишь внешняя политика, за исключением отношений с ЕС, которые также составляют прерогативу кабинета. Таким образом, при более тонком аппарате оценки по шкале «президентализм — парламентаризм» мы обнаружим близость Финляндии к группе парламентских государств²⁵, что соответствует общеевропейской тенденции «парламентаризации» полупрезидентских режимов (ср. случаи Ирландии, Исландии, Австрии, Португалии, а также некоторых «новых» демократий — Польши, Литвы, Словении).

Отметим в связи с этим, что для дальнейших исследований полупрезидентских режимов продуктивным может оказаться не столько анализ

²⁴ Схожие выводы относительно различий в уровне развития политических институтов см. в: Moestrup S. Op. cit.

²⁵ Ср. аналогичный вывод: «очевидно, что Финляндия находится на пути к тому, чтобы стать традиционной парламентской демократией» (Arter D. Finland // Semi-presidentialism in Europe / R. Elgie (ed.). Oxford University press, 1999).

объема президентских полномочий (которые нередко обеспечиваются различными неформальными институтами и практиками), сколько анализ реального политического веса партийно-парламентской системы, который может быть оценен по формальным критериям (уровень конкурентности, то есть отношение между результатами партий на выборах; наличие случаев *cohabitation* — сосуществования президента и премьера, принадлежащих к конкурирующим партиям; статистика случаев отклонения парламентом президентского кандидата на пост премьера, вынесения вотумов недоверия правительству, преодоления президентского вето, отклонения президентских законопроектов). Именно наличие/отсутствие «противовеса» в виде парламента, а не набор формальных и неформальных полномочий оказывается, по всей видимости, ключевым фактором для определения реальных границ президентской власти.

5. Выборный цикл и срок обязательного перехода

Любопытно, что Мексика и Филиппины, занимающие (с большим отрывом от лидера) второе и третье места по уровню развития институтов среди президентских государств с шести-семилетними сроками, также имеют особенность, отличающую их от других стран этой группы: конституция ограничивает здесь время пребывания президента у власти единственным сроком. Эти три страны (Финляндия, Мексика, Филиппины) в основном и образуют подгруппу «отклоняющихся» стран в своей группе (см. раздел 2). При исключении их мы получаем гораздо меньший разброс показателей: лучшие (предельные) показатели развития институтов, характеризующие правовую и экономическую среду (индекс эффективности правительства — 47,4, верховенства закона — 55,7, индекс восприятия коррупции — 3,2, экономической свободы — 60,1), оказываются близки к значению третьего квартиля стран с пятилетним сроком полномочий президента, к медиане стран с четырехлетним президентским сроком и к значению первого квартиля стран с парламентской формой правления.

Анализ группы стран с длительными сроками президентских полномочий, таким образом, приводит нас к еще одному уточнению. Значимым может оказаться не только срок президентских полномочий, но и определенный конституцией *срок обязательного перехода* — предельный срок, по истечении которого президентский пост в любом случае должен занять другой человек. Срок обязательного перехода определяется конституционным ограничением на возможность баллотироваться в президенты определенное количество раз подряд или отсутствием такого ограничения (неограниченный срок). Мы выделили три возможные вариации: (1) срок обязательного перехода не превышает восьми лет (сюда относятся страны, конституции которых допускают один четырех-, пяти-, шестилетний срок или два четырехлетних); (2) срок обязательного перехода составляет 10 лет (два пятилетних срока); (3) срок обязательного перехода превышает 10 лет (конституции, допускающие два шестилетних срока, три четырехлетних или пятилетних, а также не устанавливающие ограничений по числу последовательных сроков).

Как видно из данных табл. 8, несмотря на то, что состав и численность групп значительно изменились, в целом показатели индексов для стран со сроком обязательного перехода не более восьми лет близки к показателям четырехлетних президентских режимов (ср. табл. 1), соответственно показатели стран с десятилетним сроком обязательного перехода весьма близ-

Т а б л и ц а 8

**Институциональные показатели групп стран
с различным сроком обязательного перехода (среднее/медиана)**

Срок перехода	Количество стран	Электоральный статус: электоральная демократия (%)	Политический статус (оптим.=1, мин.=7)	Свобода прессы (оптим.=9, мин.=100)	Индекс демократичности ЕЦУ (оптим.=10, мин.=0)	Верховенство закона (макс.=100)	Эффективность правительства (макс.=100)	Восприятие коррупции (оптим.=9,3, мин.=0)	Экономическая свобода (оптим.=90, мин.=2)
≤8	25	84	2,58/ 2,50	43,80/ 44,00	6,30/ 6,31	38,09/ 34,30	44,69/ 48,30	3,68/ 3,20	60,56/ 59,40
=10	26	50	3,56/ 3,50	53,58/ 55,50	4,91/ 4,96	31,51/ 33,80	33,77/ 32,45	2,91/ 2,80	56,56/ 55,70
>10	31	19	5,11/ 5,50	68,61/ 74,00	3,71/ 3,27	24,81/ 16,70	26,87/ 17,10	2,64/ 2,10	52,46/ 53,60

ки к показателям режимов с пятилетним сроком полномочий, а показатели третьей группы, то есть стран со сроками перехода, не ограниченными десятью годами, близки к показателям стран с шести-семилетними сроками президентских полномочий. При этом если показатели первой группы (≤8 лет) выглядят несколько лучше, чем показатели четырехлетних режимов, то показатели третьей группы (>10 лет) выглядят хуже, чем показатели стран с шести-семилетними сроками полномочий (по всем индексам). Таким образом, скорректированный критерий дает нам более сильные расхождения для коротких и длинных сроков.

Среди стран с пятилетним сроком президентских полномочий 8 государств имеют конституционное ограничение одним сроком, в 25 допускаются два срока и еще в 15 странах президенту позволяется оставаться на своем посту более двух сроков. Средние значения институциональных индексов этих трех групп (табл. 9) максимально близки к соответствующим средним значениям индексов для трех выделенных в табл. 8 случаев. Это позволяет нам сделать окончательный вывод о значимости параметра «срок обязательного перехода».

Т а б л и ц а 9

**Институциональные показатели стран с пятилетним сроком президентских полномочий
и различными ограничениями по числу сроков (среднее значение)**

	Количество стран	Политический статус	Свобода прессы	Индекс демократичности	Эффективность правительства	Верховенство закона	Восприятие коррупции	Экономическая свобода
1 срок	8	2,43	43,12	6,61	44,26	35,25	3,77	62,67
2 срока	26	3,5	53,07	4,97	34,06	32,18	2,95	56,93
>2 сроков	15	5,07	67,71	3,52	27,57	26,35	2,62	51,42

Проверка значимости различий с использованием теста Колмогорова—Смирнова дает следующие результаты: значимыми на пятипроцентном интервале оказываются различия выборок стран со сроком обязательного перехода не более восьми лет и более десяти лет. При сравнении двух этих групп со странами, имеющими десятилетний срок обязательного перехода, значимыми оказываются различия в группе «политических» индексов (табл. 10).

**Непараметрический тест Колмогорова—Смирнова
для двух независимых выборок (сроки обязательного перехода)**

Показатели	Сроки перехода		
	$\leq 8 / = 10$	$= 10 / > 10$	$\leq 8 / > 10$
<i>Экономические индексы</i>			
Верховенство закона	41,38	34,78	27,45*
Эффективность правительства	43,24	35,76	27,54*
Уровень экономической свободы	60,22	55,80	52,44*
Восприятие коррупции	3,68	3,04	2,69*
<i>Политические индексы</i>			
Индекс демократичности («Экономист»)	6,30*	5,01*	6,30*
Политический статус	2,41*	3,47*	4,90*
Свобода прессы	40,96*	52,47*	66,12*
Свобода прессы («Репортеры без границ»)	21,76	22,50*	37,36*

* $\alpha < 0,05$.

6. Проблема каузальности: институционализация плохих институтов

Эмпирически наблюдаемый факт состоит в том, что для стран с более длительными сроками президентских полномочий характерны в среднем более низкие показатели институционального развития. Какова может быть интерпретация этого наблюдения? Являются ли длительные сроки фактором, ведущим к ухудшению институциональной среды, или, наоборот, плохая институциональная среда (детерминированная некими экзогенными факторами) является причиной выбора в пользу длительных сроков президентских полномочий?

Ответить на этот вопрос помогает еще один выразительный эмпирический факт: *в мире в настоящее время количество стабильно функционирующих режимов с длительными сроками президентских полномочий (срок перехода неограничен или превышает десять лет) исчисляется единицами*. Лишь в четырех странах из 31, попадающих в эту группу, имя президента в рамках действующей конституционной формулы длительности полномочий менялось не менее двух раз (Финляндия, Кипр, Гайана и Шри-Ланка), еще в двух произошла одна смена главы государства (Кот-д'Ивуар, Либерия). В остальных 25 странах этой группы перехода власти в рамках действующей конституционной формулы еще не было. Среди 26 стран с предельной длительностью пребывания президента в должности, равной десяти годам, ситуация существенно лучше: два и более перехода имели место в шести странах и еще в шести — один переход. В 19 из 25 стран со сроком полномочий не более восьми лет произошло не менее двух переходов власти. Еще в пяти странах изменялись сроки полномочий (Чили: сокращение срока полномочий с шести до четырех лет) или допустимое количество последовательных сроков (переизбрание на второй срок было разрешено в Бразилии, Колумбии, Сальвадоре и Доминиканской Республике), при этом страны оставались в рамках той же подгруппы « ≤ 8 ».

В целом, при рассмотрении проблемы длительности президентских сроков в совокупности с двумя другими показателями, о которых говорилось выше, — сроком обязательного перехода и реальным объемом президентских полномочий (а точнее — реальным влиянием парламента) — можно

выделить две основные модели (прототипа) существующих президентских режимов. Первая модель — американская, точнее говоря латиноамериканская. Она подразумевает конституционное устройство президентской республики, но вместе с тем — сравнительно короткие сроки обязательного перехода, что и служит компенсирующим фактором. Практически во всех странах Америки предельный срок президентских полномочий не превышает восьми лет (формула «два по четыре» либо однократные четырех-, пяти- или шестилетние сроки). По этому же пути после периода длительного авторитарного правления и политических кризисов пошли две азиатские страны — Южная Корея и Филиппины.

Вторая модель — европейская — имеет своим образцом полупрезидентские режимы, складывавшиеся в Европе на протяжении XX века (Финляндия, Австрия, Ирландия, Исландия, Франция). В этой модели президентство изначально вводилось как *дополнение* к уже существующей парламентской системе, призванное восполнить ее недостаточность для решения тех или иных политических задач²⁶. Соответственно проблема длительности полномочий отступала на второй план — сроки были более длинными (6—7 лет), а срок обязательного перехода сначала вообще не оговаривался (в Финляндии ограничение двумя сроками введено в 1991 году, а во Франции — лишь в 2008 году).

Абсолютное большинство стран, демократизация которых пришлось на последние десятилетия XX века, заимствовали, как уже упоминалось, именно европейскую, полупрезидентскую модель, а вместе с ней — и более длинные сроки президентских полномочий (5—7 лет без правила «единственного срока»). Однако, в отличие от старых европейских демократий, партийная система была в этих странах, как правило, неразвитой. В тех странах, где она получала по тем или иным причинам импульс к развитию и влияние партий вело к росту влияния парламента, постепенно формировался реальный полупрезидентский режим или даже *de facto* парламентский режим с всенародно избираемым президентом (Болгария, Литва, Польша, Румыния, Словения, Украина), а президент переизбирался в соответствии с первоначальной конституционной формулой²⁷. Отметим при этом, что высокий уровень конкуренции партий не всегда означает консолидацию демократии, однако обеспечивает устойчивость конституционных норм перехода власти. Так, среди стран со сроком максимальных полномочий президента более десяти лет Шри-Ланка и Гайана являют пример того, как острая конкуренция двух основных партий и невозможность достичь доминирующего положения

²⁶ См. об этом, например: *Elgie R. Semi-presidentialism and Comparative Institutional Engineering // Semi-presidentialism in Europe.*

²⁷ Надо отметить, что в числе поправок, предложенных Президентом РФ Д.А. Медведевым и одобренных в конце 2008 года, содержится и норма, предусматривающая обязательный ежегодный отчет правительства перед Думой. По всей видимости, она призвана символизировать рост влияния парламента. Однако новая норма явно выбивается из логики 103 статьи Конституции, в которую она внесена. В статье перечисляются вопросы функционирования государственной власти, решения по которым может принять только Дума. Все эти решения имеют четкие юридические последствия, поэтому подпункты статьи начинаются со слов: «дача согласия», «решение вопроса», «назначение на должность», «объявление амнистии», «выдвижение обвинений». Новый пункт «заслушивание ежегодных отчетов» не предусматривает никаких решений и явно нарушает юридическую логику статьи. По сути, упоминание об обязательном отчете правительства перед Думой, не предусматривающее никаких обязательных юридических последствий и соответственно являющееся чисто процедурной нормой, с большим основанием должно было быть внесено в федеральный закон о правительстве и никоим образом не может рассматриваться как значимое изменение конституционной модели президентской власти.

одной из них обеспечивают соблюдение конституционной формулы перехода власти и относительно высокие для стран с длинными президентскими сроками институциональные индексы. И наоборот, в тех странах, которые приняли формулы европейской, полупрезидентской модели, но партийно-парламентская система которых при этом осталась слабой, дезинтегрированной или зависимой, верх брала тенденция к увеличению сроков.

В группе государств, имеющих сегодня сроки полномочий президента более десяти лет, можно выделить три подгруппы. Первая, самая малочисленная — 6 стран, где происходил переход власти (они были перечислены выше). Вторая — страны, где на протяжении последних десяти лет увеличивались сроки полномочий и/или отменялись сроки обязательного перехода. Таких стран 13: шесть африканских государств (Алжир, Гвинея, Йемен, Тунис, Уганда, Чад), шесть государств бывшего СССР (Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Россия, Таджикистан, Узбекистан) и Венесуэла. И наконец — третья группа (11 африканских стран), где большие сроки и/или отсутствие ограничения по срокам были заложены изначально и являются элементом конституционно-демократического дизайна, который пытались придать своим режимам в 1990—2000-е годы действующие диктаторы (Камерун, Конго, Египет, Экваториальная Гвинея, Гвинея-Бисау, Габон, Гамбия, Руанда, Зимбабве, Того, Судан). Последние две подгруппы и составляют круг стран с наихудшими институциональными показателями.

В целом, наши наблюдения позволяют сформулировать следующие выводы: (1) среди стран с большими сроками президентских полномочий (срок обязательного перехода более 10 лет) качество институтов в среднем существенно ниже, нежели в странах с короткими сроками, за исключением тех случаев, когда институт президентства существует на фоне развитой парламентской традиции и президентские полномочия значимо ограничены (полноценный полупрезидентализм); (2) различия средних показателей стран с большими и малыми президентскими сроками выглядят не менее значимыми, нежели различия средних показателей стран с парламентской и президентской формой правления, но имеют несколько иной характер: если в последнем случае наиболее существенна разница индексов, характеризующих правовую и экономическую среду, то в первом — индексов, характеризующих развитие политических институтов; (3) на данный момент вряд ли вообще возможно говорить о стабильно функционирующей модели президентского правления с большим сроком: за исключением стран, политическая система которых может быть охарактеризована как полноценный полупрезидентализм, случаи перехода власти в рамках этой модели остаются единичными. Последнее обстоятельство представляется особенно важным для решения вопроса каузальности: имеющиеся данные, на наш взгляд, не позволяют сделать статистически значимые выводы о влиянии длительных сроков на состояние институциональной среды, зато позволяют вполне определенно указать, что появление конституционной нормы, подразумевающей большой срок полномочий, характерно для стран с плохими институтами.

Таким образом, сама по себе длина президентского срока не является определяющим фактором качества институциональной среды, длинный срок не свидетельствует о том, что институциональная среда плохая. Вместе с тем сроки имеют значение в контексте той или иной модели президентского режима. Страны, где длительный срок президентских полномочий имеет место на фоне развитой партийной системы и (соответственно) влиятельного парламента (европейская полупрезидентская модель), демонстрируют конституционную устойчивость (переход власти происходит в конституци-

онные сроки) и более высокое качество институтов. В качестве компенсирующего фактора длительных сроков может также выступать жесткое ограничение по сроку обязательного перехода (не более восьми лет): неизбежность частого перехода власти принуждает игроков к поиску институциональных ограничений для возникающей в связи с этим неопределенности (латиноамериканская модель). Для этих стран характерны сравнительно более низкие показатели институционального развития, но относительно высокая устойчивость режимов.

При отсутствии же этих двух типов ограничений длительные сроки или увеличение сроков можно рассматривать как один из элементов «институциональной ловушки»: плохие институты и связанная с этим крайне высокая неопределенность при переходе власти (принцип «победитель получает все») предопределяют победу коалиции, выступающей за сохранение *status quo* (даже если этот *status quo* оценивается обществом достаточно негативно), результатом чего становится желание «отодвинуть» выборы, которые рассматриваются как дестабилизирующий фактор. Характерно, что при сравнении президентских режимов с короткими и длительными сроками полномочий наиболее значимыми, как показало исследование, оказались различия в политических индексах. Иными словами, длительные сроки президентских полномочий в этом случае можно рассматривать как поиск конституционного оформления и более «подходящей» политической модели для продолжающейся институциональной стагнации. Будущее подобных режимов, несомненно, станет одной из главных интриг предстоящего политического десятилетия.